

— Вера Валентиновна и Владимир Валентинович! У вас даже отчества одинаковые.

В. М.: Сходство еще дальше простирается: и моего отца, и отца Веры звали Валентинами Михайловичами. Если верить в то, что между именем человека и его судьбой существует некая таинственная связь (а я к такому выводу еще в юности пришел), то наша будущая совместная жизнь была предопределена уже на родительском уровне.

— И все-таки — как же вы нашли друг друга?

В. М.: А знаете, пусть Юля на этот вопрос ответит. Интересно послушать ее интерпретацию этой истории.

Ю. М.: Ну что же, приехали они в Москву поступать учиться в Школу-студию МХАТа. Мама — из Барнаула, но это не ее родной город (она — северянка, из Котласа), просто бабушка тоже была актрисой, играла в периферийных театрах, и они часто переезжали. А папа приехал из Воркуты, вообще-то он астраханец, но после того как в первый раз на экзаменах в театральное училище провалился, он оттуда уехал, работал в разных местах, последний год — на шахте в Воркуте. Как ни странно, мама тоже с первого раза не поступила.

В. М.: Странно! В подобных странностях как раз поступь судьбы слышна, мы как будто специально друг друга дожидались, чтобы на одном курсе оказаться.

Ю. М.: Думаю так оно и было, тем более что у папы это была уже четвертая попытка поступления. И вот в коридоре студии папа увидел девушку с русой косой и огромными голубыми глазами — и остолбенел. Потом пришел в себя и начал подкатываться к ней с какими-то глупыми вопросами. Чтобы отвязаться от него, мама пошла обедать в пельменную рядом со студией, папа последовал за ней, тоже взял порцию пельменей, сел за стол напротив мамы. И тут выяснилось, что они будут учиться на одном курсе. Мама чуть в обморок не упала, потому что будущий однокурсник произвел на нее впечатление ужасающее.

И тем не менее в начале третьего курса они поженились, чем повергли в изумление всю Школу-студию. Маме совсем другую судьбу предрекали, и вдруг: такая талантливая студентка, красавица, а рядом с нею некрасивый, нервный, к тому же еще и малоспособный молодой человек. Многие дикое предположение — либо у него какое-то наследство намечается, а она про это вызнала, либо какой-то общей тайной они связаны. Наверное, когда «Москва слезам не верит» появилась, кто-то наконец понял, в чем заключалась хитрость мамы, которая уже тогда все высчитала наперед.

В. М.: По фактам все так. Только пропускается два года нашего общения до свадьбы.

В. А.: Я была из актерской семьи, для меня этот мир был знаком. А Володя попал в совершенно незнакомую среду и поначалу очень растерялся, зажался. А зажатый человек всегда хуже выглядит, чем он есть на самом деле. Так случайно получилось, что самый первый актерский этюд на первом курсе мы делали вместе с Володей, и он (этюд) оказался настолько удачным, что педагоги наши отобрали его для экзамена, и мы этот этюд еще полгода репетировали. У меня за это время была возможность получше разглядеть Володю. Неожиданными оказались его восприятие мира, его колоссальная начитанность, самостоятельность суждений.

— А на курсе, кроме вас, были еще актерские семьи?

В. М.: Андрей Мягков с Асей Вознесенской на втором курсе поженились. К окончанию студии почти все у нас на курсе были женаты или замужем, и вот что интересно, кроме наших двух пар, все остальные за это время распались.

Я вспоминаю, что когда привез домой известие о своей женитьбе, то отец, помолчав, выдал народную мудрость: «Моряк — не муж, артистка — не жена». Что касается моряков, то, поскольку отец мореходку закончил и поплавал немало, то тут ему и карты в руки были, а вот насчет актрис народ, как я убедился, несколько поверхностно высказался. У нас очень много знакомых актерских семей, и никакого принципиального отличия от других семей я что-то не вижу. Кто-то дом держит в идеальном порядке, у кого-то все вверх дном в квартире. Но у работниц легкой промышленности, я думаю, такие же проблемы. Мнение, что актрисы больше предрасположены к романам или изменам, мне кажется несправедливо. По моим наблюдениям, медики, например, в этом отношении более легкомысленны.

Вера в конце концов стала замечательной хозяйкой, правда, мне с самого начала пришлось смириться с тем, что она не любит и не умеет готовить. В течение медового месяца я еще терпел ее обеды, а потом стал потихоньку сам экспериментировать на кухне, вспоминал мамин рецепты и ныне в этом деле достиг таких вершин, что если в кино дела мои плохо пойдут, то вполне могу перекалцифицироваться в повара кооперативного рестораника.

Зато у Веры талант ко всему, что связано с шитьем, вязанием, перекройками, переделками. Когда переезжали и делали ремонт в новой квартире, вы бы посмотрели, с каким уважением общались с ней все мастера, потому что сразу почувствовали в ней профессионала: она и с плотником, и с электриком, и с сантех-

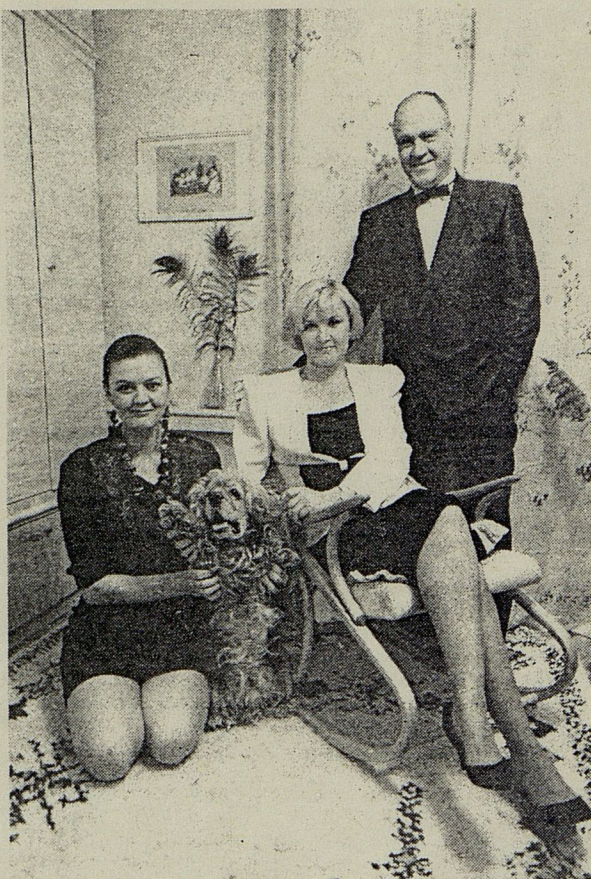
Та истина, что Москва слезам не верит, известна сегодня и за океаном. Доказательство этому — тяжелая, отливающая золотом статуэтка, которая у меня в руках: «Оскар», самая желанная награда для всех кинематографистов мира. Обладателем ее стал в 1981 году режиссер Владимир Меньшов.

На полке в квартире Меньшова рядом с «Оскаром» — кусок прозрачного хрустала, это приз за лучшую женскую роль, который получила на Брюссельском кинофестивале его жена, актриса Вера Алентова. Для полноты картины надо бы положить сюда диплом об окончании Школы-студии МХАТа Юлии Меньшовой, их дочери, — и мы будем иметь завершенное представление о том, что такое полноценная актерская семья.

Четвертый, полноправный, член семейства — американский коккер-спаниель Глорк-Гелиос, в просторечии Гаврюша, — не лишен актерского дарования, стоит кому-нибудь даже вполголоса запеть песню, как он тут же подхватывает ее и сопровождает весьма музыкальным подвыванием.

Но на сей раз Гаврюша помалкивает, устроился на диване рядом с хозяевами и внимательно вслушивается в наш разговор.

ТРОЕ В ДОМЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

ником разговаривала на их языке, при этом подсказывала тонкие «инженерные решения».

Еще нередко считают, что актрисы — плохие матери, мало времени уделяют детям. В этом утверждении ложна прежде всего прямая увязка воспитания со временем, которое проводят родители с ребенком. Ребенок, как мне кажется, это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь.

Конечно, когда этому ребенку год и даже три года, а рядом никаких бабушек и дедушек и живешь в общности театра, то иногда можно и завить от отчаяния. Я учился во ВГИКе, писал пьесы и сценарии, снимал учебные картины, при этом подрабатывал по ночам в соседней булочной; Вера выпускала новые спектакли в театре, ежедневно репетировала. Кто только из наших друзей не выручал нас за эти первые годы, когда дочка родилась, дай им всем Бог здоровья! Запах театра Юля знает с трех месяцев, спала в гримерной во время репетиций, с одного года Вера ее уже на гастроли в другие города с собою стала брать. В общем, вытянули, хотя надо признать, что этот период сильно надорвал наши отношения.

Как и в любой семье, случались у нас и кризисные периоды, даже к разводу были близки, разъехались на какое-то время. Может быть, и хорошо, что был в нашей жизни такой этап, потому что на расстоянии мы смогли друг друга лучше оценить, поняли, что врозь нам много хуже, чем вместе, и во второй раз сделали тот же самый выбор.

— Вера Валентиновна, а что вы думаете о режиссере в качестве мужа и о муже в качестве режиссера?

В. А.: Я считаю, что каждый из нас (теперь уже и Юля) не должен в творческом смысле зависеть друг от друга. Я была бы очень рада, если бы в следующей работе Володя оказался для меня ролью, но я ни в коем случае не хочу, чтобы он, например, отказывался от хорошего сценария только потому, что там для меня этой роли нет. Если надо думать о том, что жене необходимо дать работу, дочку куда-то пристроить, — это накладывает отпечаток и на отношения между нами, и на отношения людей к нам. Вот в фильме «Любовь и голуби» Володя меня не занял, и мне было жаль, но картину я очень люблю, потому что она замечательная получилась. Правда, я в это же самое время снималась у Ю. Райзмана во «Времени желаний» и у Ю. Кары в «Завтра была война».

Что же касается режиссера в качестве мужа... Мне сравнить-то не с чем, у меня другого мужа не было. Думаю, все-таки нам было бы сложнее, если бы у Володи была другая профессия. У нас общий язык, мы можем друг с другом посоветоваться о каких-то профессиональных вещах. Сценарии, например, обязательно читаем вместе.

— Юля, вы что скажете о родителях-актерах?

Ю. М.: Для меня наша семья идеальная, отношение родителей ко мне всегда было на редкость демократичным. Я не замечаю нашу разницу в возрасте, для меня они так же молоды, как я. Их мнения и оценки для меня чрезвычайно важны — как точка зрения моих друзей.

Что же касается общей профессиональной принадлежности, то это замечательно! Конечно, не без недостатков — в смысле повышенной эмоциональности. Поэтому вспышки чувств в нашей семье протекают более, как бы это выразить... громко протекают, в общем.

— А на ваш выбор института как-то влияли родители?

Ю. М.: Ни в коем случае. Я знала, что ни отец, ни мама пальцем не пошевельнут в смысле какой-либо протекции при поступлении, но все равно боялась, что просто фамилия моя будет каким-то образом помогать мне, что не будет для меня честной борьбы, а я человек бесконечно самолюбивый.

В. А.: Тогда Володя придумал, как ей проверить себя. Дело в том, что в театральных училищах основные документы сдают только при допуске на последний тур актерского конкурса, и Юля после девятого класса сдавала экзамены во все училища под фамилией Большова, и в двух дошла до последнего тура. Так мы все убедились, что способности у нее есть, и в десятом классе она уже всерьез готовилась к экзаменам.

В. М.: А потом Василий Петрович Марков, мастер нашего курса, человек, у которого учились и Ефремов, и Табаков, и Доронина, а после нашего курса у него было еще несколько отличных выпусксов, в общем, замечательный педагог, чутко которого я доверяю безоговорочно, рассказал мне такую историю. На вступительном экзамене вошли в аудиторию десять абитуриентов, начали по очереди читать стихи, прозу, и Василий Петрович шепотом сказал своим коллегам по приемной комиссии: «Вот из этой девочки будет толк» — «Кто? Где?» — стали его спрашивать. «А вот эта, она еще не читала, но посмотрите, как она слушает, как сопереживает всем читающим». Пришел черед читать этой девочке, она встала и представилась: «Меньшова Юлия Владимировна».

— Юля, а сейчас вы уже преодолели «комплекс знаменитой фамилии»?

Ю. М.: Думаю, да. Ефремов меня взял во МХАТ, в кино снимаюсь, на телевидении работаю — трудно поверить, что все так складывается только потому, что моих родителей уважают. Зато родители теперь все больше разрабатывают во мне комплекс неполноценности. После даже самой удачной премьеры, после аплодисментов, поздравлений и комплиментов встречают они меня у служебного входа хмурые, озабоченные, и уже через пять минут я узнаю, что все было ужасно. «Ну, ужасно — это слишком сильно, Володя, полным провалом это не назовешь, были и неплохие куски...» — «Вот именно — куски, а общее ощущение, согласись, Веронька, очень невыгодно...» — «И потом, Юля, я тебе сколько раз говорила — держи спину, на сцене

малейшая сутулость в глаза бросается... А дикция?! Такая скороговорка, что не разберешь ни черта!»

В. А.: Ну неправда. После «Сказок Мельпомены» мы тебя только хвалили.

Ю. М.: Так в тот день в лесу скончался серый волк, наверное. Да и то вы больше говорили про Чехова, про то, какие партнеры прекрасные. Но я не обижаюсь — уже с младых ногтей, что называется, привыкла к тому, как родители друг друга беспощадно разбирают после каждого появления на сцене или на экране — этот эпизод не получился, эту реплику вот так надо было сказать, эту мизансцену вообще надо отменить.

В. А.: Это верно. Когда «Москву...» снимали, Володя от всех актеров был в восторге, одна у него — Золушка ходила. Не та прическа, не тот костюм, не так сказала, не так посмотрела... Мне уж съемочная группа потихоньку соболезнования приносила, советовали не обращать на него внимания. А что касается фамилии, то я больше опасаюсь за то, чтобы она не помешала Юле, особенно в кино.

— То есть?

В. А.: Володя смолodu принципиально отверг дипломатию и предпочитал во всех случаях жизни говорить то, что думает. А это редкое и, на мой взгляд, ценное качество, увы, не прибавляет друзей. Во-вторых, мир кино давно разбит на различные группки, кланы, сферы влияния. Володя ни к одной из таких групп не принадлежит, он находит достоинства и недостатки и у «правых», и у «левых», а в нашей среде подобный нейтралитет вызывает недоумение. Ну и, наконец, он человек удачливый: за первую картину получил Государственную премию РСФСР, за вторую — Госпремию СССР и «Оскара». Кинематографисты в основном «Москву...» не приняли совсем. Посчитали ее «дурным тоном». За искусство у нас как-то всегда было принято почитать «трудное кино», и вдруг является Меньшов с какой-то заурядной мелодрамой, и весь мир ее смотрит, а Американская киноакадемия присуждает «Оскара» за лучший иностранный фильм года. Согласитесь, все это вместе взятое не прибавляет дружелюбных чувств по отношению к Меньшову. И по отношению к его близким тоже, к сожалению. Поэтому мне и хочется, чтобы Юлия как можно быстрее набрала высоту для самостоятельного полета. Примеры такого рода нечасты, но случаются — Никита Михалков, Андрей Миронов, Алиса Фрейндлих.

— Владимир Валентинович, а чем вы недовольны в кинематографической среде? Что претит?

В. М.: Откровенно говоря, я давно уже живу в состоянии какого-то раздвоения. Жить без этой среды я не могу, это мой мир, бесконечно мне интересный, очень любимый. Но иногда накатывает вдруг волна такой неприязни! Последние годы перестройки показали такую глубокую нашу несостоятельность, это я уже не о кинематографистах говорю, а обо всей нашей интеллигенции. Читаешь, как Чехов называет ее «лицемерной, фальшивой, истеричной, невоспитанной, ленивой» и думаешь: ничего не изменилось! А когда он добавляет, что не верит интеллигенции даже тогда, когда она «страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр», то жутковато становится от такого беспощадного анализа сегодняшней ситуации.

— Что вы особенно цените друг в друге?

Ю. М.: Отец дает нашей семье некую... философию жизни, что ли. Благодаря ей жизнь не распадается на отдельные точечные события, а приобретает смысл и перспективу. Это очень помогает, особенно в кризисных ситуациях. И в то же время в отце заложено какое-то стремление к саморазрушению, он может пойти вразнос от совершенно незначительного повода. Во мне доминирует отцовский характер. Но все сглаживается и удерживается мамой. Она хранительница очага в старом смысле слова. Это необыкновенно важно для нас с папой. Когда надо остановиться, оглянуться, мама дает такую возможность.

В. М.: Оценивать мне Веру — все равно что оценивать самого себя. За эти долгие годы мы до такой степени перетекли друг в друга, что некоторые находят нас даже похожими внешне. А уж внутренне — тем более. Недавно разговаривали мы с Юлей о ее новой роли в спектакле «Олень и шалашовка» по пьесе Солженицына. Поговорили, потом пришла Вера и тоже об этом же разговор завела. Мы с Юлей не могли от хохота удержаться: те же самые мысли, те же жесты даже! Конечно, мы уже какой-то единый организм. А уж как мы в Юле переплетены: то себя в ней увижу, то вдруг вылитая мать. Но пока мне кажется, что она у нас обоих лучшие качества взяла.

В. А.: А я в них ценю то, что они мои родные люди. Со всеми недостатками и проблемами. Я не могу представить себе другой семьи, другой жизни, другого мужа. Помню, что любой недостаток — это продолжение наших достоинств. И поэтому считаю очень важным сохранение индивидуальности в человеке. Мы вот даже Гаврюшу, собаку нашу, не слишком угнетали воспитанием, боялись в нем личность подавить. Мы все и очень похожи друг на друга, и очень разные. И из этой разности, из противоречий и похожестей складывается семья.

Беседу вела
Наталья БОБРОВА.

Фото А. Белянцева.